
VALERY BLACK
ПЕПЕЛ И ПЛАМЯ
КНИГА ПЕРВАЯ: ВОСХОЖДЕНИЕ
18+

Valery Black

Пепел и пламя

«Автор»
2026

Black V.

Пепел и пламя / V. Black — «Автор», 2026

Аэлиса Моран ищет способ смыть позор с имени своего отца, служа военной разведке Валории. Когда северные заставы начинают превращаться в пепелища, она отправляется по следам того, кто оставляет за собой лишь выжженную землю. Меньше всего Аэлиса ожидает встретить на своем пути Элиана — опасного молчаливого командира отряда «Тень Ворона», чья серебряная прядь в волосах и янтарный взгляд выдают в нем куда больше, чем просто человека. Судьба сталкивает их лбами, заставляя заключить опасный союз. Ей нужно расследовать угрозу; ему — защитить свой народ от чужих интриг. Они ненавидят друг друга с первых минут, но с каждым днем воздух между ними искрит всё сильнее.Аэлиса чувствует, что за ледяным спокойствием Элиана скрывается пламя, способное спалить её дотла. А Элиан понимает, что эта упрямая девчонка подобралась к его страшной тайне слишком близко. Первая книга дилогии «Хроники Арденисса».

© Black V., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пепел и Пламя 5
ПРОЛОГ 6
ГЛАВА 1 8
ГЛАВА 2 12
ГЛАВА 3 15
ГЛАВА 4 19
ГЛАВА 5 23
ГЛАВА 6 26
ГЛАВА 7 29
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Valery Black
Пепел и пламя

Пепел и Пламя
Цикл: Хроники Арденица #1
Valery Black

ПРОЛОГ

Кровь Первого Дракона

Так рассказывают в Келерисе. Так учат детей, пока они ещё не знают, что сказки бывают правдой.

Когда Арденис был молод, в нём не было ни королевств, ни границ, ни имён для гор. Была только земля, огонь под землёй и небо, которое принадлежало тем, кто умел в него подняться.

Их звали Игнисами. Они были огромны и немногочисленны, жили долго и помнили всё. Драконы не строили городов: города были им не нужны. Они строили цитадели из чёрного базальта на самых высоких вершинах, чтобы видеть восход раньше всех, и считали это достаточной причиной для жизни.

Первым из них был Ардан.

Он родился в пламени, которое сам же и породил, говорят старые сказители. Он был старше гор, и когда впервые расправил крылья над пустым материком, под ним вспыхнули вулканы, а тени побежали прочь, как испуганные звери. От его дыхания растаял вечный лёд на севере. От его шагов раскололись равнины на долины и пропасти. Он дал миру тепло, а мир, не зная благодарности, назвал это место его именем.

Ардан не был одинок. Но его одиночество не имело отношения к тому, сколько вокруг было драконов. Оно было другим. В нём жила тоска существа, которое видит всё и не может разделить увиденное ни с кем.

И тогда пришли люди.

Они явились с юга, маленькие и хрупкие, как мотыльки у огня, и сначала драконы не замечали их вовсе. Смертные жили лишь краткий миг, строили из глины и дерева дома, которые разрушал первый же ветер, и умирали, не успев понять, зачем рождались. Но было в них что-то, что заставило Ардана остановиться. Они умели хотеть. Каждый из этих крошечных людей хотел всего: тепла, хлеба, любви, чуда. Хотел жадно, отчаянно, так, как драконы забыли хотеть много веков назад.

Среди них был юноша по имени Валор.

Он не был ни самым сильным, ни самым мудрым. Но однажды ночью, когда на его деревню напали голод и мор, он взобрался на скалу, под которой дремал Первый Дракон, и закричал в темноту: «Если ты слышишь нас, помоги. А если не слышишь, пусть хотя бы услышит кто-нибудь».

Ардан услышал.

Он спустился с гор. Согрел замёрзшую долину. Научил людей добывать огонь из камня и ковать железо. Показал, где зреет хлеб и где спят целебные травы. Люди назвали его хранителем, а Валор стал первым человеком, которого дракон назвал другом.

И тогда была заключена Клятва Крови.

Говорят, это произошло на рассвете, в день, когда на небе не нашлось ни облачка. Ардан рассёк когтём свою ладонь, и из раны, вместо крови, вырвалось пламя. Золотое, живое, горячее, как сердце. Он вложил его в грудь Валора и сказал:

— Это моя жизнь. Я отдаю её тебе по своей воле. Пока горит этот огонь, мы связаны: твоя радость будет моей, моя боль станет твоей. Если ты умрёшь, я почувствую. Если я умру, ты услышишь, как погасло небо.

Валор плакал, принимая дар. Он поклялся беречь его, как собственное дитя. Поклялся, что люди и драконы будут жить рядом и никогда не поднимут оружие друг против друга. Эту клятву услышали горы и записали в камне. Так появились первые драконьи кланы, и так родилось Королевство Валория: союз огня и хлеба, неба и земли.

Это был золотой век.

Драконы учили людей ковать, лечить, читать звёзды. Люди учили драконов смеяться, любить вино и бояться потерь. Многие из Игнисов, наскучив вечностью, принимали человеческий облик, «Маску», ради тех, кого полюбили. Многие связывали свою душу с людьми и умирали вместе с ними, не жалея об этом.

Но у любого дара есть тень.

Люди жили недолго и поэтому хотели всего сразу. Они видели, что драконы не стареют, не болеют, не боятся смерти, и в сердцах их, сначала тихо, потом всё громче, зашевелилась зависть. Почему огонь принадлежит только им? Почему клятва держится на милости, а не на праве? Почему те, кто живёт вечно, не должны служить тем, кто живёт миг?

Эту зависть услышал кто-то другой.

Хроники расходятся в том, как его звали. Одни говорят, что он был советником при дворе Валора. Другие, что он был потомком самого короля, внуком, правнуком, кровью от крови. В одном они согласны: он нашёл способ украсть то, что дракон отдаёт добровольно. Запретный ритуал, не клятва, а цепь. Если пламя нельзя получить в дар, его можно вырвать.

Он начал с малого. С одного молодого дракона, доверившегося не тому человеку. С одной цитадели, чьи ворота открылись ночью. Потом пришла вторая, третья. Небо Арденисса горело неделями, и никто не мог сказать, где заканчивается дым и начинается кровь.

Это назвали Расколом.

Ардан увидел это и не сразу поверил. Первый Дракон, прожив тысячи лет, не мог представить, что мир, который он согрел, способен так легко предать. Он прилетел к Валору, к старому, седому королю, которого давно считал братом, и спросил только одно:

— Ты знал?

Валор не ответил. Говорят, он заплакал. Говорят, он упал на колени и просил прощения у того, чьё пламя всё ещё горело в его груди. Но было поздно.

Ардан не стал мстить. Он сделал то единственное, что мог: разорвал клятву. Вынул из груди друга золотой огонь и унёс его с собой на север, в самую высокую цитадель, где запечатал в камне. А в оставленную пустоту вложил последнее проклятие, не из злобы, а из горя:

— Пока люди не научатся хранить то, что им дали, они будут помнить это ощущение. Пустоту на месте огня.

С этого дня драконов становилось всё меньше. Кланы рассеялись, цитадели опустели, и никто уже не помнил, где лежит запечатанный огонь. Люди назвали Раскол «Эпохой Предательства» и придумали, что виноваты драконы. Победители всегда сочиняют красивые версии. Выжившие, прячась в горах и под чужими лицами, хранили правду так же тихо, как хранят угли под пеплом.

Старые сказители заканчивают на этом. Но самые старые, те, кто передавал легенду шёпотом от отца к сыну, добавляют ещё одну строку:

Клятва Крови не умерла. Она спит. И однажды дракон и человек снова встретятся над пеплом, и если в них хватит смелости не отвернуться, то древний долг будет оплачен, а мир получит второй шанс.

Если же нет, то в небе вспыхнет огонь, и некому будет считать погибших.

Туман над Северным хребтом Келериса по-прежнему не рассеивается до конца. Чёрные башни стоят в синем льду, как рёбра гигантского зверя. А где-то далеко на юге, в мраморных залах Алесии, человек с холодными глазами листает старую книгу, и пальцы его чуть заметно дрожат от жадности.

Он знает, что огонь можно вырвать. Он давно ищет того, у кого он ещё горит.

ГЛАВА 1

Аэлиса

Северная граница Валории

Туман на северной границе никогда не был просто туманом.

Здесь, где королевские тракты упирались в подножие мёртвых, иззубренных ветром скал и начинались дикие земли Келериса, влажный серо-молочный воздух вёл себя так, словно у него была своя воля. Он ползал по земле холодными щупальцами, забирался под воротники, оседал ледяными каплями на ресницах и глушил любые звуки, превращая мир в ватную, давящую на уши ловушку.

Аэлиса натянула глубже капюшон из вощёной кожи и привычным движением поправила портупею. Полуторный меч у бедра отозвался тихим звоном. Рукоять потёрлась до гладкости от тысяч часов тренировок. Отец подарил этот клинок в день её семнадцатилетия, и с тех пор он ни разу не подводил.

За спиной глухо стучали копыта. Шестеро разведчиков ехали цепочкой по размокшей тропе, и туман превращал их силуэты в бесплотные тени.

— Командир, — негромко сказал сержант Брент, подъезжая ближе. Кряжистый, обветренный до багрового цвета, со шрамом через левую бровь, он служил в гвардии дольше, чем Аэлиса жила на свете, и считал, что это даёт ему право ворчать. — Кобылы нервничают. Чую нутром: здесь что-то не так. Птицы смолкли ещё на рассвете.

— Я заметила.

— Вот и я говорю. Тихо, как в склепе.

Аэлиса молча кивнула. Правая рука сама скользнула по левому запястью, нащупывая сквозь перчатку неровный белый шрам от первого настоящего поединка. Он всегда зудел перед бедой. Суеверие, конечно. Но она давно перестала спорить с телом.

Их отправили в этот дозор три дня назад, по тайному распоряжению командира гарнизона, в обход столичных сводок. Сводки, приходившие из Алесии каждую неделю, уверяли, что на северных рубежах царят порядок и покой. Покой. Аэлиса едва заметно усмехнулась.

Три дня назад с передовой заставы пришёл разорванный в клочья рапорт. Ольховый Брод, приграничная деревня на полсотни дворов, перестал существовать. Ни единой уцелевшей балки. Ни людей, ни скота. Только обугленные брёвна и странный сизый пепел, который не разносил даже горный ветер.

Чиновники в уютных столичных кабинетах предпочли решить, что это дело рук мародёров. Но Аэлиса видела деревню своими глазами. Мародёры не плавят камень до стеклянного блеска. Мародёры не оставляют на земле ожоги в форме огромных когтистых лап.

— Держим строй, — тихо скомандовала она, оглядываясь на отряд. — Дистанция не увеличивается. Факелов не зажигать. Услышите шорох слева от гряды, не паникуйте, подавайте условный сигнал.

Усталые лица в тусклом свете. В глазах у кого-то недосып, у кого-то страх, который умело прятали. Молодой стрелок Тэрн, рыжий, веснушчатый, лет девятнадцати, нервно сжимал поводья. Рядом с ним ехали двое его друзей, Лайн и Дэрри, неразлучные, как два сапога из одной пары. Лайн что-то шептал себе под нос: то ли молитву, то ли считалочку.

— Командир, — тихо спросил Тэрн, — а правда, что в Келерисе живут… ну… всякие?

— Всякие, — ответила Аэлиса, не оборачиваясь. — Люди, волки, туман. Мне вот сейчас интересно, кто из них больше прочих.

— Я просто слышал…

— Все слышали, Тэрн. — Она чуть смягчила голос. — Слушай не то, что говорят. Слушай, что молчит. Если молчит слишком громко, значит, пора быть настороже.

Парень сглотнул и кивнул.

Она ехала впереди, напряжённо вглядываясь в серую пелену, и пыталась удержать мысль, которая сегодня упорно ускользала. Привычный внутренний компас: холодный расчёт, логика, ясная схема. Но сейчас стрелка болталась, и это раздражало.

Настоящий разведчик никогда не верит тишине, Аэлиса. Отцовский голос зазвучал в памяти так отчётливо, будто генерал Моран ехал рядом. *Тишина на границе — не покой. Это пауза перед ударом.*

Отца давно не было. Королевский суд лишил его титула, имени и свободы, обвинив в государственной измене, и никто из тех, кто пожимал ему руку на парадах, не вступился. Аэлиса осталась с фамилией, которую приходилось носить, как клеймо, и с упрямой уверенностью, что обвинения лживы. Она служила, чтобы однажды это доказать.

В юности она верила, что вся армия Валории держится на чести, верности присяге и справедливости. Годы службы выбили из неё эту веру подчистую. Осталась острота клинка, надёжность коня и горстка людей, которым она доверяла без лишних слов.

Тропа круто ушла вниз, сузилась между двумя нависшими скальными уступами. Туман здесь стал густым, как мокрая вата. Каждый шаг лошадей отдавался в камне глухим эхом.

Головной конь под Аэлисой вдруг с хрипом осел на задние ноги, всхрапнул, и по мускулам его пробежала крупная дрожь. Она вскинула руку, останавливая отряд, и затаила дыхание.

Сквозь монотонный шум капель с тёмных сосен пробился новый звук.

Негромкий. Влажный. От него по спине побежал холод. Так хрустит кость, когда её ломают медленно и методично.

— Брент, к скале, — выдохнула Аэлиса и вытянула меч. Сталь скользнула из ножен почти беззвучно, но в мёртвой тишине ущелья звук показался ударом колокола.

Туман впереди шевельнулся. Из серой клубящейся пелены вышел человек.

Сначала показалось, что это один из пропавших дозорных: на нём был форменный валорский плащ, он неподвижно стоял у подножия валуна. Но когда фигура качнулась, Аэлиса почувствовала, как внутри всё леденеет. Человек двигался рывками, как марионетка с запутавшимися нитями. Правое плечо выломано назад. Одежда разодрана в клочья. На груди зияла рана, из которой не капала кровь. Вместо неё поднималась тонкая струйка сизого дыма, пахнущая палёным рогом и серой.

— Святые небеса, — прошептал кто-то из разведчиков.

Существо запрокинуло голову. Глаза были затянуты молочной пеленой, будто катарактой. Из приоткрытого рта сочилась тёмная вязкая слюна. Оно повернулось к отряду, и на лице, лишённом всякого выражения, проступило нечто страшнее ярости: пустота.

— Ловушка! — сорвала голос Аэлиса. — Назад!

Было поздно.

Со скальных карнизов, невидимых в тумане, донёсся свистящий шорох. Десятки гибких тёмных теней отделились от камня, и с диким визгом хлынули вниз. Воздух вдруг раскалился, и в ноздри ударил запах гари и разложения.

Аэлиса не стала паниковать. Годы тренировок сделали своё: страх мгновенно превратился в холодную ярость. Рывок коня вбок. Первый бросок твари прошёл мимо. Тяжёлый клинок описал звенящую дугу и встретил когтистую лапу, которая должна была вспороть ей горло. Металл ударил о чешуйчатую кожу, высек сноп искр, и нападавший с визгом отлетел.

Теперь она рассмотрела: это были не звери. Не совсем. Поджарые тела, покрытые рваными кусками чешуи, когти длиннее ножа, пасти, раскрывающиеся слишком широко. Но в глазах, молочных, пустых, не было ни голода, ни злобы. Они двигались по чужому приказу.

— Круговая оборона! — рявкнул Брент, и его короткоствольный пистоль выплюнул огонь. Одна из тварей, прыгнувшая на Лайна, рухнула с пробитой грудью. — Лайн, не стой, стреляй! Дэрри, прикрой его слева!

— Есть! — крикнул Дэрри, перехватывая арбалет.

Тэрн замер на мгновение, увидев тварь, потянувшуюся к его коню. Конь заржал, вздыбился, и парень едва не вылетел из седла. Аэлиса в два прыжка оказалась рядом и рассекла нападавшую по хребту. Та осела, бесформенно распластавшись на камнях.

— Не смотри на них! — крикнула она ему. — Смотри на руки! Руки не врут!

— Да, командир!

Бой был коротким и грязным. Мечи звякали о чешую, арбалетные болты уходили в туман, под копытами хлюпала кровь пополам с грязью. Один из коней рухнул на колени, захрипев. Лайн вскрикнул, когда острый коготь распорол ему плечо, но Дэрри уже вцепился в тварь, отшвырнул её и ударил в горло.

Аэлиса видела всё сразу, будто картой: левый фланг прогибается, у Брента почти нет боезапаса, мертвец у валуна не двигается, словно ждёт. Она резко развернула коня и бросилась к нему. Тот поднял голову, и в молочных глазах на мгновение что-то вспыхнуло: осознание, мука, мольба.

— Прости, — выдохнула Аэлиса и ударила.

Меч вошёл в грудь точно в то место, где зияла рана. Дым вырвался густым столбом. Тело дёрнулось, обмякло и осело на камни, как пустой мешок. И вместе с ним словно оборвалась невидимая нить: твари вокруг разом замерли, пошатнулись, будто кто-то выключил в них свет, и повалились на землю.

Тишина вернулась так же внезапно, как исчезла.

Отряд стоял, тяжело дыша. Лошади храпели, косясь на трупы. У Лайна на рукаве расползалось тёмное пятно. Тэрн, белый как полотно, смотрел на дымящееся тело.

— Потери? — коротко спросила Аэлиса.

— Один конь, у Лайна плечо, — отозвался Брент, вытирая клинок о плащ. Лицо у старого сержанта было серым, но голос не дрогнул. — Остальные целы. Повезло.

— Не повезло, — тихо сказала она. — Это было представление. Их выпустили именно на нас.

— Вы думаете, ждали?

— Я думаю, — Аэлиса опустилась на колено рядом с мертвецом и осторожно разорвала остатки его плаща, — что этот человек не случайно оказался здесь.

На его груди, под тканью, виднелась татуировка. Тонкая вязь рун, вырезанная в плоть иглой и золой. Незнакомая. Хотя нет. Один знак она видела когда-то давно в отцовских бумагах, в тех самых, которые потом изъяли «для расследования». Круг, перечёркнутый тремя линиями.

Холод пробежал по её спине.

— Командир? — тихо спросил Брент.

— Ничего, — ответила она, поднимаясь. — Запомните это место. И этот знак. Мы вернёмся с ним в Алесию.

— А деревня? Ольховый Брод?

— Сначала доклад. — Она оглядела отряд. — Нам нужны ответы, а их не найти среди трупов. По коням. Уходим до темноты.

Разведчики засуетились, перевязывая раненого, собирая оружие. Аэлиса отошла на несколько шагов к скалистому уступу и в последний раз посмотрела на север, туда, где за рваной пеленой тумана лежал неприступный Келерис.

И вдруг она замерла.

Где-то далеко, за высокими гребнями гор, в тяжёлом небе мелькнул странный отсвет. Золотой, короткий, как вспышка далёкой молнии. Он не был солнцем: солнце давно скрылось за тучами. Он вспыхнул и погас, а на коже у неё осталось странное, незнакомое ощущение, будто кто-то огромный и очень старый на мгновение посмотрел прямо в неё.

Шрам на запястье зачесался так сильно, что она сжала руку в кулак.
— Командир, — окликнул Брент. — Пора.
— Иду, — ответила Аэлиса, но ещё секунду стояла неподвижно, вслушиваясь в тишину.
Тишина молчала. Слишком громко.

ГЛАВА 2

Элиан

База отряда «Тень Ворона», Келерис

Ветер Келериса не разговаривал с людьми. Он просто бил.

Он трепал полотнища командного шатра, пропитанные дымом и гарью, швырял в щели колючую снежную крошку, и она оседала на дубовом столе, таяла, оставляя тёмные пятна на картах. Элиан не поднимал головы. Он сидел над пергаментами приграничных трактов, исчёрканными столькими клинками, что дерево стола напоминало поле старого боя, и слушал, как в углу потрескивает очаг.

К холоду он привык. К тому, что Келерис не прощает слабости, тоже. Ни людям, жавшимся к подножию базальтовых скал в поисках защиты, ни тем немногим, в чьих жилах вместо крови текла древняя магия. Здесь выживали упрямые. Здесь выживали молчаливые.

Он провёл пальцем по левому запястью, нащупывая под загорелой кожей твёрдую выпуклость, там, где глубоко под плотью дремало то, что он называл собой настоящим. Дракон. Двести лет он носил человеческий облик, как носят чужую, тесную одежду. Сначала это было вынужденной мерой. Потом привычкой. Теперь, кажется, стало пыткой.

Маска давила на плечи тяжелее любого доспеха. Каждый переход между формами отзывался в костях жгучей болью, будто скелет ломали и вправляли заново. Каждые сутки в человеческом теле требовали усилий воли, которых хватило бы, чтобы удержать на цепи целую стаю волков. Зверь внутри не спал. Он скрёб когтями изнутри черепа, требуя высоты, ветра, огня и крови.

Потерпи, — думал Элиан. — Ещё немного.

Он думал так двести лет.

— Если будешь так же яростно сжимать нож, командир, — лениво протянули из тёмного угла, — от стола скоро останутся щепки, и нашему казначею придётся искать плотника. А он, как ты знаешь, ненавидит тратить деньги.

Кайен вышел из тени, бесшумно ступая по волчьим шкурам. Смоляно-чёрные волосы растрёпаны, зелёные глаза смеются, на скулах привычная наглая полуухмылка. Он лениво крутил между пальцами метательный нож, то подбрасывая его, то ловя за лезвие.

— Ты вообще спишь? — спросил Элиан, не отрываясь от карты.

— Сплю. Урывками. Как кошка. — Ворон облокотился на стол. — Но у меня хотя бы совесть спокойная. А у тебя вон какие круги под глазами. Кстати, о кругах…

— О чём?

— О слухах. — Улыбка померкла, уступив место холодному профессиональному выражению. — На южных трактах говорят, что валорские ищейки совсем потеряли страх. Ходят по нашим перевалам, как по своим амбарам.

— Пусть ходят.

— Командир, это не обычные ищейки. — Кайен понизил голос. — За ними кто-то стоит. Не местный гарнизонный генерал, а повыше. Придворные маги, архивные крысы из столицы. Они ищут тайники. Те, что мы запечатали после Раскола. Если регент Вортерон доберётся до них, нам всем придётся вспомнить, что такое настоящая драконья ярость.

Элиан откинулся в кресле, скрестив руки на груди. Под кожаной курткой проступили тёмные узоры чешуи, и он поспешно запахнул ворот.

Мысли о южанах всегда вызывали в нём глухое раздражение. Люди Валории казались ему слабыми, торопливыми мотыльками, которые возомнили себя венцом творения только потому, что когда-то драконы из милости позволили им строить города в зелёных долинах.

Они забыли, каково это: чувствовать за спиной горячее дыхание зверя. Растоптали договоры. Начали охоту на тех, кто принёс им цивилизацию.

И всё же было в этой ненависти что-то лживое, и Элиан это знал. Он помнил двух людей, которых любил. Помнил, чем это закончилось.

— Пусть только сунутся за перевал, — произнёс он тихо.

Пламя в лампах вздрогнуло. Воздух в шатре на секунду стал плотным и горячим, как перед грозой. Кайен, привыкший к таким вспышкам, лишь приподнял бровь.

— Командир. Ты нагреваешь шатёр.

— Прости.

— Не извиняйся, у меня как раз пальцы замёрзли. — Ворон хмыкнул и тут же посерьёзнел: — Но ты бы взял себя в руки. Орен придёт — заметит.

— Орен уже заметил, — сухо сказал голос с порога.

Тяжёлый полог откинулся, впустив порыв ветра и высокую сутулую фигуру. Старик с длинной седой бородой, насквозь пропахшей серой, сухими травами и реагентами, стряхнул снег с плеч и недовольно оглядел шатёр. Мастер Орен. Лекарь, алхимик, артефактор, «приставленный к отряду по недоразумению», как он сам любил говорить. Один его глаз был тёплым, карим, другой затянут белёсым бельмом. Но Элиан давно подозревал, что слепой глаз видел больше зрячего.

— Ты опять забыл выпить настойку, — проворчал Орен, подходя к столу и извлекая из-за пазухи склянку тёмного стекла. — Не выкручивайся, я чую по запаху. Ты прямо исходишь жаром.

— Я был занят.

— Ты вечно занят. Вот когда тебя разорвёт на части, ты будешь очень занят. Пей.

Он сунул склянку Элиану в руку. Тот поморщился. Зелье пахло полынью, медью и чем-то гнилым, но спорить было бесполезно. Элиан осушил склянку залпом. Горечь обожгла горло, прокатилась тёплой волной до самых костей, и ноющая боль в суставах отступила, как отлив.

— Лучше? — спросил Орен, прищурившись.

— Лучше.

— Конечно, лучше. Я лучший алхимик к северу от Сантиса. — Старик тяжело опустился на скамью, отдуваясь. — Только этого, мальчик, хватит ненадолго. Ты слишком часто принимаешь облик. Слишком часто носишь Маску. Рано или поздно твоё тело откажется платить по счетам.

— Мне нужно быть среди людей, — сказал Элиан. — У меня отряд. Они зависят от меня.

— Они зависят от тебя живого. — Орен покачал головой. — Я не говорю, чтобы ты бросил всё. Я говорю: береги себя. Хотя бы ради тех, кто за тебя держится.

В шатре повисла тишина. Кайен демонстративно отвёл глаза, делая вид, что изучает лезвие ножа.

— Ты пришёл не только затем, чтобы вливать в меня горечь, — проговорил Элиан наконец.

— Верно. — Орен выпрямился, и в голосе пропала ворчливость. — Дозорные с северного поста вернулись. У Чёрного Ключа замечен крупный отряд валорской разведки. Судя по картам и снаряжению, они идут к руинам Нижней Цитадели.

Элиан встал. Тяжело, неторопливо, с грацией хищника, которому даже человеческое тело не мешает быть опасным. Высокий, широкоплечий, с резкими чертами лица и серебряной прядью у виска, выдававшей кровь Арденов, он сейчас меньше всего напоминал простого наёмника. Он затянул на поясе ремни с клинками и подхватил со скамьи потёртый меховой плащ.

— Сколько их?

— Семеро, — сказал Орен. — И командир. Говорят, женщина.

Кайен присвистнул.

— Женщина-командир в валорской разведке? Любопытно. Обычно они не доверяют женщинам ничего тяжелее вышивки.

— Эта, судя по донесению, только что разделала стаю тварей на тракте, — добавил Орен. — Тварей, которых никто из наших не видел раньше.

Элиан остановился.

— Каких тварей?

— Полуживых. С чешуёй. С глазами, затянутыми молоком. — Старик понизил голос. — Я не люблю такие новости, мальчик. Они пахнут запретной магией.

Дракон под рёбрами шевельнулся, прислушиваясь.

Элиан медленно кивнул. Мысль о запретной магии холодила кровь сильнее горного ветра. Он знал только один способ создать таких существ, и этот способ был украден из его собственного народа.

— Значит, пришло время небольшой прогулки, — сказал он холодно. — Посмотрим, кого именно прислали проверять наши границы.

Кайен радостно оскалился, проверяя ножны на бедре.

— Наконец-то дело. А то я уже боялся, что мы тут мхом обрастём.

— Мхом обрастёшь ты, — буркнул Орен. — Ты и так лентяй. Командир, возьми меня.

— Нет. Ты нужен здесь.

— Я не спрашивал разрешения.

— Орен.

Старик уставился на него здоровым глазом. Потом вздохнул, сдаваясь.

— Тогда хотя бы возьми вот это. — Он вытащил из мешка маленький флакон с мутной жидкостью и вложил Элиану в ладонь. — Если станет совсем плохо. Только в крайнем случае. Слышишь? Это не конфетка.

— Понял.

— Ничего ты не понял. Ты никогда ничего не понимаешь. — Орен хлопнул его по плечу неожиданно тепло. — Возвращайся живым. Я стар, мне не нужно выхаживать ещё одного героя.

Элиан невольно улыбнулся.

Выйдя из шатра в бездонную ночь Келериса, он запрокинул голову. Над зубчатыми пиками гор висела россыпь ледяных звёзд. Его драконье чутьё улавливало едва заметные, чужеродные колебания магических потоков. Где-то там, в тумане, шла незнакомая женщина-командир, и вместе с ней на север двигалось нечто, что он ещё не умел назвать.

Большая игра только начиналась. Элиан не знал, что ему предстоит сыграть в ней не за себя.

Он шагнул в темноту, и тьма приняла его, как давнего знакомого.

ГЛАВА 3

Аэлиса

Алесия, столица Валории

Мраморные колонны королевского дворца Алесии всегда казались Аэлисе насмешкой.

Белоснежные, отполированные до зеркального холода, они стояли рядами вдоль бесконечных коридоров, как декорации, за которыми прятались гнилые доски. Здесь, в сердце цивилизованной Валории, воздух не пах ни хвоей, ни дымом солдатских костров. Он был густо пропитан духами придворных дам, воском церковных свечей, благовониями и чистым холодным золотом, за которое местные вельможи готовы были купить любую совесть и любую чужую жизнь.

Она шла по красным ковровым дорожкам, печатая шаг, и подкованные сапоги отдавались эхом под расписными сводами. На фресках величественные короли Валории заковывали огромных драконов в рунические цепи. Рисовали так, будто это была победа. Аэлиса давно перестала смотреть вверх.

Плащ разведчика был покрыт дорожной пылью после недели перехода с границы. Среди придворных в серебряном шитье и шёлковых мантиях она выглядела обломком боевого клинка, случайно затесавшимся на бал. Вслед ей скользили взгляды. Кто-то морщил нос. Кто-то шептался.

— Дочь Морана, — донеслось из-за колонны. — Опять явилась.

— Говорят, в отпуске.

— Разве изменникам дают отпуск?

Аэлиса не обернулась. Она давно научилась превращать подобные слова в гул, в шум толпы. Но шрам на запястье дёрнулся, и она ускорила шаг.

Ради этого визита она нарушила все мыслимые правила. Командир гарнизона запретил ей покидать границу без приказа. Рапорт об Ольховом Броде, составленный ею с мучительной тщательностью, исчез из архивов в тот же день, когда был подан. Начальник канцелярии, холёный господин с мягкими руками, любезно объяснил, что составленная бумага «содержала неточности» и теперь заменена «исправленной версией». Исправленную версию ей предложили подписать. Она подписала. Потому что иначе её отряд остался бы без довольствия.

Подписала, и с тех пор не спала нормально ни одной ночи.

Единственным человеком в этом дворце, кому она ещё могла верить, была леди Лиора.

Ей оставалось повернуть за угол, когда на пути возникла процессия.

Шестеро гвардейцев в серебряных латах шли двойным строем, а между ними — девушка. Совсем юная, лет двадцати, невысокая, бледная, в платье цвета слоновой кости, расшитом золотыми нитями до полной тяжести. Тёмные волосы были убраны в сложную причёску, украшенную жемчугом. Она держала спину прямо, но руки, сложенные перед собой, выдавали напряжение: пальцы вцепились друг в друга до белизны.

Принцесса Изабелла. Наследница престола, которую в народе называли «золотой птичкой». Говорили, она не покидает покоев без сопровождения и не произносит ни слова, не получив разрешения регента.

Аэлиса остановилась и поклонилась, как положено по уставу. Гвардейцы замедлили шаг. Принцесса проходила мимо, опустив взгляд, и вдруг, на мгновение, всего на мгновение, её глаза поднялись и встретились с глазами Аэлисы.

Они были не такими, как ожидалось. Не пустыми, не пугливыми. Острыми, цепкими, усталыми, как у человека, который давно разучился спать спокойно и научился читать по лицам.

— Капитан Моран, — тихо произнесла Изабелла, и голос оказался на удивление ровным. — Рада видеть вас живой.

— Ваше высочество, — Аэлиса чуть склонила голову. — Благодарю.

— Вы с границы?

— Так точно.

— Холодно там, говорят. — Принцесса позволила себе тончайшую улыбку, мимолётную, как тень. — Берегите себя. Хорошие офицеры в наше время… редкость. И не доверяйте писцам, капитан. Они склонны путать слова.

Не дожидаясь ответа, она двинулась дальше, окружённая серебряными спинами. Аэлиса ещё секунду стояла неподвижно, ощущая, как внутри нарастает холодное, тревожное понимание.

Писцы. Рапорты. Принцесса знает.

Или это ей только показалось. Двор умел заставлять людей слышать то, чего нет.

Она развернулась, собираясь идти к кабинету Лиоры, и чуть не столкнулась с человеком, вышедшим из боковой галереи.

Он был невысок. Бледен. Одет в тёмный камзол, лишённый украшений, на фоне которого придворный шёлк казался вульгарным. Лицо спокойное, тонкое, с проницательными голубыми глазами, в которых не было ни тени эмоций. Он стоял, чуть склонив голову, и смотрел на неё так, как хозяин смотрит на редкий предмет в коллекции.

Лорд Вортерон. Регент Валории.

Аэлиса никогда не видела его так близко. Раньше только издалека, на церемониях, окружённого свитой. Но этих глаз нельзя было забыть.

— Капитан Моран, — произнёс он негромко. Голос мягкий, чуть хрипловатый, без единой нотки повышения. — Какая приятная неожиданность. Мне доложили, что вы в отпуске.

— Так точно, милорд.

— Отпуск в столице — разумный выбор. Здесь так много… развлечений. — Лёгкая улыбка. — Но вы выглядите уставшей. Северный ветер не щадит никого. Позволите дать совет?

— Конечно, милорд.

— Не переусердствуйте, капитан. — Вортерон слегка наклонил голову. — Служба службой, но молодым офицерам свойственно видеть заговоры там, где есть только скука и плохая погода. Это утомляет. И, что важнее, это замечают.

Слова были произнесены с такой безупречной вежливостью, что на секунду показалось, будто это забота. Но в голубых глазах что-то мелькнуло, холодное, как лёд под водой.

— Я учту, — ответила Аэлиса ровно.

— Прекрасно. — Он скользнул взглядом по её запястью, по которому она, не заметив, вновь провела пальцами. — Какой любопытный шрам. Память о дуэли?

— Первой.

— Я слышал, ваш отец тоже любил дуэли, — мягко заметил регент. — Жаль, что они не всегда заканчиваются в нашу пользу. Не позволяйте дурным привычкам унаследоваться, капитан.

Он кивнул и ушёл, неслышно ступая по ковру. Аэлиса осталась стоять, чувствуя, как по спине медленно ползёт холод. Он ни разу не повысил голос. Ни разу не угрожал. Но она никогда в жизни не слышала в чужих словах такого приговора.

Он знает, — подумала она. — Он знает всё.

Она собралась. Расправила плечи. И толкнула тяжёлые дубовые двери кабинета.

За столом из тёмного мореного ореха сидела леди Лиора.

Капитан королевской гвардии выглядела безупречно: строгий мундир, короткие тёмные волосы с серебристой сединой на висках, серые глаза, не знающие слабости. Она подняла

взгляд от стопки донесений, и жестом велела стражнику выйти. Замки щёлкнули в тишине, как выстрел на дуэли.

— Ты выглядишь так, будто проползла на животе через все круги чистилища, — негромко сказала Лиора.

— Примерно так оно и было.

— Садись.

— Я постою.

Лиора слабо улыбнулась. Эта улыбка, редкая и усталая, была единственным, что осталось от тех дней, когда восьмилетняя Аэлиса бегала по этим коридорам и дёргала старших гвардейцев за плащи.

— Мне докладывают, что на севере орудуют разбойники, — сказала Лиора. — Министры уверены. Совет уверен. Регент уверен.

— Леди Лиора, — Аэлиса шагнула вперёд и упёрлась ладонями в стол. — Ольховый Брод уничтожен. Не разграблен, не сожжён. Уничтожен. Там нет золы, только оплавленный стеклянный камень. Скалы вокруг покрыты следами, будто по ним прошлась лава. Мои люди хоронили то, что от них осталось. А когда я подала рапорт, он исчез. Мне предложили подписать «исправленную версию».

— Ты подписала?

— Да.

— Умно.

— Нет. Подло. — Голос Аэлисы дрогнул. — Но иначе у меня забрали бы отряд.

Лиора ничего не ответила. Она поднялась и подошла к арочному окну, за которым закатное солнце заливало золотые крыши Алесии. Спина её, всегда прямая, на секунду показалась сутулой.

— Я не хочу верить, что кто-то преднамеренно скрывает правду, — медленно сказала она. — Ты знаешь, как я отношусь к долгу. Присяга для меня не слова. Регент — человек, который удерживает королевство от распада. Он не всегда приятен, но он вынужден принимать тяжёлые решения.

— Леди…

— Дай мне закончить. — Лиора обернулась. Серые глаза были усталыми, но в них вспыхнуло упрямство. — Я не говорю, что он невиновен. Я говорю: я не имею права обвинять без доказательств. Но я не слепа, Аэлиса. Я вижу, как исчезают донесения. Вижу, как подчинённые прячут глаза. Если кто-то в канцелярии, в министерстве, где угодно, сознательно скрывает правду от трона, то это измена. И я хочу знать, чья.

Аэлиса выдохнула. Что-то в груди медленно отпустило.

— Значит, вы мне верите.

— Я верю тебе больше, чем собственной тени в полдень. — Лиора вернулась к столу, отперла потайное отделение, звякнув зачарованным замком, и достала небольшой металлический тубус с оттиском военной разведки. — Официально тебя никто никуда не посылал. Для двора ты в отпуске по выслуге. Но неофициально мне нужен человек, который пройдёт за перевал Келериса, дальше Ольхового Брода, и выяснит, что происходит. Кто оставляет эти ожоги. Откуда берутся твари. И кто стоит за ними.

— Это приказ?

— Это просьба, — тихо сказала Лиора. — От старой женщины, которая слишком долго делала вид, что ничего не замечает.

Она протянула тубус. Аэлиса взяла его тяжёлым, осторожным движением.

— Внутри карты перевала, список надёжных застав и пароль для пограничной стражи. Нет никаких бумаг, подтверждающих твой статус. Если тебя поймают, дворец отречётся от тебя в ту же секунду.

— Я знаю.

— Будь осторожна. — Лиора на миг коснулась её руки. — Если что-то случится… я хочу, чтобы ты знала: я всегда ценила твоего отца. И его дочь.

Аэлиса кивнула, не доверяя голосу. Спрятала тубус во внутренний карман, под пластины брони, и коротко отдала честь.

— Меня не поймают, леди Лиора.

— А если попытаются?

— У меня найдётся чем встретить гостей.

Она вышла в прохладу коридора. За окнами догорал закат. Алесия утопала в вечерних огнях, прекрасная, золотая, и абсолютно равнодушная к тем, кто умирал на её границах.

В конце галереи, на мраморном балконе, мелькнул силуэт в платье цвета слоновой кости. Принцесса стояла, глядя на уходящее солнце, и не оборачивалась. Только рука её, лежавшая на каменной балюстраде, едва заметно шевельнулась, будто подавала знак. Или прощалась.

Аэлиса не ответила. Не смела.

Но уже выходя на тёмные улицы столицы, чувствуя, как невидимая петля затягивается на шее всё туже, она знала: за этими стенами, за мрамором и золотом, живёт кто-то, кто хочет, чтобы правда вышла наружу.

Север ждал её. Туманные ущелья. Горный перевал. И то, чего она ещё не умела назвать.

ГЛАВА 4

Элиан

Таверна «Ржавый якорь», приграничный форпост Келериса

Воздух в «Ржавом якоре» можно было резать ножом.

Он стоял в зале плотной слоистой массой: прокисшее вино, затхлый эль, табачный дым, пот и рыба, жаренная на прогорклом сале. Заведение лепилось к подножию ледяных скал, как гнилой зуб, и служило последней остановкой для всех, кому не нашлось места ни в Келерисе, ни в Валории: контрабандистов, беглых каторжан, дезертиров, наёмников, искавших лёгкой кровавой наживы на стыке двух миров. Сквозь закопчённые окна едва сочился умирающий свет заката, и тут же тонул в клубах дыма от очага.

Элиан сидел в самом тёмном углу, под низкой балкой, куда не дотягивался свет масляных ламп. Потёртый плащ из грубой шерсти, глубоко надвинутый капюшон скрывал серебряную прядь у виска. Вокруг ревели, спорили, били кружки о дубовые столы, а он оставался неподвижным, как изваяние из базальта.

Правая рука лежала на столешнице. Пальцы лениво, но с пугающей регулярностью постукивали по дереву. Под этим постукиванием бушевало другое: глухая ярость, удерживаемая железной волей.

Маска сегодня давила особенно сильно. Суставы ныли, а чужое, смертное сердце билось слишком медленно. Каждый вдох приходилось контролировать, чтобы не выдать неестественную для человека глубину грудной клетки. Ему осточертело сидеть в этих притонах, притворяясь бродячим наёмником, пока шпионы регента расползались по его землям, как плесень по хлебу.

Напротив, развалившись на скамье с массивной кружкой эля, сидел Кайен. Расслабленный, ленивый, с безупречно разыгранной скукой на лице. Но зелёные глаза цепко и безжалостно сканировали каждого, кто переступал порог.

— Местные трактирщики говорят, — вполголоса произнёс он, не шевеля губами, — что за неделю через перевал прошло три крупных каравана. Под видом торговцев тканью.

— И?

— И дозорные доложили: в тех телегах не было ни тюка с материей. Окованные ящики с алхимическим железом, зачарованные сканеры, подорожные грамоты с печатью регента. — Кайен отпил эля. — Они ищут проходы к Нижней Цитадели, Элиан. Методично. Не торопясь. Так ищут только те, кто знает, что именно ищет.

Элиан медленно поднял голову. На долю секунды в глубине его фальшивых серо-голубых глаз вспыхнул янтарный отсвет. Кайен по старой привычке чуть отпрянул.

— Пусть ищут, — хрипло сказал Элиан. — Цитадель запечатана кровью Первых. Обычные ключи там бессильны. Попытка взломать защиту силой обернётся пеплом.

— Это если не найдётся тот, у кого нужная кровь.

Тишина за их столом на секунду стала плотнее шума вокруг. Кайен произнёс то, о чём они оба думали, но вслух не говорили: запечатать цитадель могла кровь, но и открыть её могла только кровь. Диск клана, который Элиан хранил на дне вещмешка, был не единственным ключом. А те, кто охотился за драконами, знали, как их находить.

— Среди горцев завёлся гнилой выводок, — продолжал Кайен, не выпуская из поля зрения трактирщика, лениво протиравшего кружки грязной тряпкой. — Ни один южанин не сунется в ущелья без проводника. Значит, кто-то продаёт им тропы. Золото столичной казны творит чудеса со слабыми душами.

— Пусть покупают. — Элиан подался вперёд. Лампа выхватила из тени резкие скулы. — Каждая монета, заплаченная за предательство на нашей земле, рано или поздно возвращается

кровью. Меня беспокоит другое. Кто-то копает слишком упорно. Не гарнизонные болваны, а профессионалы.

Кайен поставил кружку.

— Я слышал о ней.

— О ком?

— О валорской разведчице. Женщина-капитан, с отрядом из семерых. Её имя шепчут на всех заставах: Моран. — Ворон усмехнулся. — Дочь генерала-изменника. Говорят, она, не моргнув, разделала стаю тварей на тракте, а потом пошла в самую столицу докладывать, и вернулась с чем-то, что ей совсем не хотели давать. Упрямая.

— Упрямство — не добродетель, — холодно сказал Элиан.

— Нет, — согласился Кайен. — Но очень полезная причина оставаться в живых.

Дракон под рёбрами шевельнулся при слове «Моран», хотя Элиан не мог бы объяснить почему. Он отогнал мысль.

Шум в таверне нарастал. У стойки двое пьяных солдат из южного гарнизона спорили из-за кубка, в углу менестрель терзал лютню, выпрашивая медяк, где-то разбилась кружка, и женский визг тут же растворился в хохоте. Привычный фон, который они научились не слышать.

Но вдруг фон изменился.

Не звуком: запахом. Тонкий, едва уловимый шлейф, который Элиан узнал бы среди тысячи: холодная сталь, лак, особая алхимическая смола, которой пропитывали плащи агентов регента.

Он не повернул головы. Только чуть сместил взгляд.

У двери стоял человек. Невысокий, в тёмном плаще, с лицом, до такой степени невыразительным, что запомнить его было почти невозможно. Он обвёл зал неторопливым взглядом, на секунду задержался на их столе и двинулся прямо к ним, лавируя между пьяными с поразительной лёгкостью.

— Не трогай нож, — шепнул Элиан, заметив, как рука Кайена скользнула под стол.

— Он один.

— Вот именно. Слишком уверенно для одного.

Незнакомец остановился у стола. Склонил голову, показывая пустые ладони.

— Господа, — произнёс он негромко. Голос мягкий, невыразительный, как лицо. — Позволите присесть?

— Нет, — сказал Кайен.

— Да, — одновременно сказал Элиан.

Ворон скосил на него глаза. Элиан едва заметно кивнул. Если человек пришёл с пустыми руками и таким видом, значит, ему было что предложить. А слушать никогда не вредно.

Незнакомец сел. Положил на стол маленький кожаный кошель. Звон монет прозвучал тихо, но весомо.

— Я представляю интересы нанимателя, который предпочитает не называть имени, — сказал он. — Ему нужны услуги отряда «Тень Ворона». Проводник через северные перевалы. Охрана. Возможно, больше.

— Мы не работаем на тех, кто прячет имя, — заметил Элиан.

— Понимаю. Но поверьте, обстоятельства того требуют. — Человек слегка улыбнулся. — Нанимателю известно, что вы лучшие знатоки тропы к Нижней Цитадели. И что ваша репутация… безупречна в определённых кругах.

Кайен сухо хмыкнул.

— Определённых кругах, — повторил он. — Красиво сказано. Это про контрабандистов или про убийц?

— Про людей, которые выполняют обязательства.

Элиан молча взял кошель. Взвесил на ладони. Тяжёлый. Слишком тяжёлый для обычной работы проводника. Развязал шнурок: золотые валорские короны, чеканка новая, свежая, ни одной потёртой.

Королевская казна, — подумал он. И тут же: — *Значит, не регент. Регент платил бы серебром в серых мешках и не называл бы себя нанимателем.*

— Сколько человек? — спросил он.

— Несколько. Небольшой отряд. Командир — офицер разведки.

— Женщина?

Агент слегка приподнял брови.

— Вы осведомлены, господин.

— Слухи не стоят ничего, пока они не подтверждены, — ровно сказал Элиан. — Цель?

— Закрытая информация. Нанимателю нужен только проводник и охрана. Ни расспросов, ни лишней огласки. Оплата удвоится по завершении.

— А если мы откажемся?

— Тогда нанимателю придётся искать иных проводников. Возможно, менее… осторожных.

Фраза повисла в дымном воздухе.

Элиан молчал. Он чувствовал, как Кайен рядом сдерживает вопрос. Ворон не любил, когда командир думал слишком долго: это обычно означало, что решение будет рискованным.

Люди, которых привыкли презирать, не получают предложений, подобных этому, из хороших побуждений. И всё же: что-то в этой истории не сходилось. Если нанимателем был регент, зачем платить королевскими коронами? Если не регент, то кто? Тот, кто хочет следить за ним из-за спины Вортерона. Кто-то, у кого есть причины не доверять собственному двору.

Или ловушка. Очень красивая ловушка.

— Передайте нанимателю, — сказал он наконец, — что я подумаю.

— Время поджимает, господин.

— Это ваша забота. — Элиан бросил кошель обратно. Тот лязгнул о стол. — Скажете, где вас найти, когда решу.

Человек в плаще медленно встал, чуть поклонился, и растворился в толпе так же бесшумно, как появился.

— Ты что, серьёзно? — прошипел Кайен, едва тот скрылся. — Ты отказываешь?

— Я не отказал.

— Ты сказал «подумаю». У тебя это всегда значит «нет».

— Не всегда. — Элиан откинулся на спинку скамьи. — Он пришёл не просто так, Кайен. Не случайно именно сейчас, когда разведчица копает под караваны.

— Ты думаешь, это она?

— Не знаю. Но кто-то хочет, чтобы мы оказались рядом с ней. Вопрос: зачем.

Кайен задумчиво покрутил кружку.

— Знаешь, что самое смешное? — произнёс он наконец. — Когда я был помоложе, меня учили бояться людей. А теперь я боюсь тех, кто слишком вежлив.

— Умный дракон.

— Я просто выжил. — Ворон допил эль. — Что дальше?

— Дальше мы идём наверх. К Нижней Цитадели. Хочу посмотреть, что там ищут, прежде чем решать, на чью сторону встать.

— Ты же знаешь, что с нами сделают, если поймают в Келерисе с их золотом.

— Знаю.

— И всё равно идёшь.

Элиан усмехнулся, и в этой усмешке впервые за вечер мелькнуло что-то живое.

— Люблю риск, Кайен. Это единственное, что делает мою жизнь терпимой.

Он поднялся. Бросил на стол пару медяков. Плащ скользнул по плечам. Дракон в его груди беспокойно заворочался, чуя перемены, как зверь чует грозу.

Выходя из таверны в сгущающиеся сумерки, он на мгновение остановился на пороге. Ветер с гор нёс запах снега и далёкого дыма. Где-то там, в тумане, шла незнакомая женщина-капитан. Упрямая. Умная. Опасная. Он ещё не знал её лица, но уже чувствовал, что она изменит всё.

И, что хуже всего, он не был уверен, что хочет этого избежать.

ГЛАВА 5

Аэлиса

Южные предгорья, граница Валории и Келериса

К пятому дню пути отряд перестал разговаривать лишнее.

Это было хорошим знаком. Значит, люди втянулись, берегли дыхание и слух, и каждый занял в строю то место, которое подсказывала не уставная схема, а привычка. Впереди шёл Брент, тяжёлый и неторопливый, как таран. Справа, чуть поодаль, Лайн и Дэрри, неразлучные и слаженные. На левом фланге плелся Тэрн, который за пять дней научился ступать тише и перестал вздрагивать от каждого шороха. Замыкали строй двое молчаливых опытных разведчиков, Ровен и старая Ксара, которых Аэлиса знала ещё с границы и за которых ручалась головой.

Утренний туман стелился по истоптанной земле мертвенно-серым саваном. Аэлиса вела в поводу уставшего вьючного мерина и чувствовала каждым суставом, как животное тяжело переступает по раскисшей от дождя грязи. Дорога на север встретила их не гостеприимством, а глухой, давящей изоляцией. Столичные патрули остались позади, шпионы регента тоже. Но ощущение чужого оценивающего взгляда так и не отпустило.

Тубус с запечатанным посланием лежал во внутреннем кармане, у сердца. Лиора дала ей карты, пароль и совет не доверять никому, кроме тех, кого она проверила сама. Аэлиса пока не знала, к кому это относится.

Первое испытание ждало её через два часа.

— Застава впереди, — сказал Брент, указывая на серую башню над тропой. — «Серый Камень». Последняя на нашем пути до перевала.

— Знаю. Комендант там… — Аэлиса поморщилась, вспоминая. — Лейтенант Харт. Служил с моим отцом.

— Хороший человек?

— Был.

Брент хмыкнул, оценив недоговорённость, и ничего не сказал.

Застава оказалась старой, обветшавшей, но живой. Над воротами лениво колыхался флаг с драконом Валории, по двору сновали солдаты, в кузне стучал молот. Всё выглядело обыденно, и от этого Аэлисе стало тревожно: при хорошей заставе должно быть шумно, а здесь царила странная выверенная тишина, как на сцене.

Лейтенант Харт вышел навстречу сам. Седеющий, с брюшком, с красным от вина лицом. Когда-то он учил её держать меч. Сейчас смотрел на неё мимо глаз, куда-то в район плеча.

— Капитан Моран! Какая честь, — прогудел он, раскрывая объятия, и тут же опустил руки, заметив её холодный взгляд. — Давненько. Совсем взрослая. Как отец?

— Как вам известно, лейтенант, отец давно умер.

— Да… да, конечно. Прости. Годы.

— Нам нужны припасы и ночлег, — сказала Аэлиса. — На одну ночь.

— Разумеется. Для вас всё что угодно. — Харт засуетился, повёл их через двор. — Только припасы… с этим сложно, капитан. Подвоз задерживается. Из столицы второй месяц ни единого обоза.

Она кивнула, делая вид, что верит. Но заметила: на конюшне стоят сытые лошади. В кладовой, мимоходом открытой для них, лежат туго набитые мешки с зерном. Во дворе у костра пахнет жареным мясом. У людей, живущих впроголодь, не бывает такого запаха.

Ночью ей не спалось. Она сидела у окна казармы, слушая, как ветер гоняет по двору жестяные ведра, и перебирала в уме увиденное. Вернувшись из столицы, она нарочно изучила

последние ведомости снабжения северных застав. Бумаги утверждали, что «Серый Камень» получает половину довольствия и перебивается остатками. Бумага ошибалась. Или лгала.

Тихий скрип двери. Брент вошёл бесшумно, неся две кружки.

— Не спишь, командир.

— Как и вы.

— Старые привычки. — Он сел рядом, протянул ей кружку. — Хотел сказать… У ворот я видел обоз. Три телеги под навесом. Накрыты рогожей, но я заглянул. Ящики.

— Какие?

— Окованные. С печатью регента на крышках. Серебряный дракон в короне. — Брент понизил голос. — Двое солдат грузили их в тележку. Я спросил, что везут. Сказали: «Припасы для северного гарнизона». Но припасы, командир, не весят как свинец.

Аэлиса медленно выдохнула.

— И куда они направляются?

— На север. К перевалу. Без охраны, без сопровождения. — Сержант замялся. — А ещё я краем глаза заметил надпись на одном ящике. «Рунное серебро. Хрупкое».

— Рунное серебро. — Она повторила слова тихо, пробуя их на вкус. — Тот самый металл, из которого куют кандалы для…

— Для кого, командир?

— Не знаю. — Но она знала. Не хотела думать, и всё же знала.

Они молча допили. Потом Аэлиса поднялась.

— Мы уходим до рассвета. Пока никто не проснулся.

— А комендант?

— Комендант, — сказала она ровно, — лжёт. И знает, что я это знаю. Не стоит давать ему шанс заранее подготовиться.

Брент кивнул, допил одним глотком.

— Тогда я разбужу остальных.

Харт не спал. Она поняла это, когда проходила мимо его окна: за занавеской горела свеча, и тень на стене неподвижно замерла, будто человек ждал. Аэлиса не замедлила шага. Она знала эту выдержку: так замирают те, кто не решил, звать стражу или нет. Он не позвал. Возможно, это было всё, что осталось в нём от учителя, который когда-то ставил ей руку.

Она вышла во двор, подождала, пока глаза привыкнут к темноте, и, не привлекая внимания, подобралась к телегам под навесом. Рогожа подалась легко. Под ней стояли ящики, обитые железом, с серебряной печатью дракона в короне.

Она вытащила нож, поддела крышку. Внутри на подстилке из соломы лежали, ряд за рядом, кандалы. Тяжёлые, чёрные, испещрённые рунами. На каждом выбит тонкий узор из переплетённых нитей.

Аэлиса взяла один. Металл был холодным. Слишком холодным, будто внутри не железо, а лёд. По пальцам пробежала дрожь, как от прикосновения к чему-то живому, но мёртвому.

Для драконов, — вдруг ясно поняла она. И следом: — *Они не просто ищут их. Они готовят оковы.*

Положила кандалы обратно. Опустила крышку, оставив всё как было, но успела вырвать из лежавшей сверху накладной один тонкий листок. Свернула, спрятала в сапог. Если Харт не заметит, у неё будет доказательство. Если заметит, ничего не изменится: он уже предал.

Отряд выступил за час до рассвета. Ворота открылись неохотно, часовой сонно глядел им вслед и, кажется, пытался что-то вспомнить. Аэлиса не оглядывалась.

Она ехала и думала, как же давно её отец ошибся в этом человеке. Или не ошибся? Может быть, Харт когда-то был честным. Может быть, у него просто не хватило сил вынести чужую волю, которая год за годом давила на людей, как жернов. Люди ломаются тише, чем клинки. Её отец знал это и всё равно не сломался. За это и заплатил.

К полудню тропа вывела их на карниз над чёрным каньоном. Внизу, невидимая в тумане, ревела река. Конь под Аэлисой вдруг замер, раздул ноздри и прижал уши.

Она мгновенно спешилась, перехватив повод левой рукой, а правой взявшись за клинок. На влажной глине виднелись свежие следы подкованных сапог и массивных волчьих лап.

— Патруль, — сказала она Бренту шёпотом. — Прошёл не больше часа назад.

— Северяне?

— Кто же ещё.

Брент нахмурился.

— Мы не можем драться с ними в их ущелье.

— Мы и не будем. — Она передала поводья Дэрри. — Оставайтесь здесь, в тени. Я посмотрю.

Она двинулась вперёд по мокрому, скользкому карнизу, прижимаясь к стене. Шаги были бесшумны, дыхание размерено. Камни под ногами крошились, но она научилась ступать так, чтобы они не слышали.

Следы привели к древнему каменному укрытию, заросшему чёрным лишайником. Из тёмного провала едва заметно мерцал отблеск костра. Аэлиса прижалась к валуну и осторожно выглянула.

У входа дежурили двое. Меховые накидки поверх тёмных кожаных доспехов, на груди выбиты знаки северных кланов. На камнях лежали составные луки и длинные тяжёлые мечи. Один что-то лениво басил товарищу, прикладываясь к фляге. Лица прятались под капюшонами, но каждое их движение говорило о том, что это профессионалы.

Она быстро прикинула варианты. Лобовой бой исключён. Ей нужно было не перебить патруль, а пройти мимо, и для этого требовалось либо дождаться смены караула, либо отвлечь их.

Аэлиса медленно опустилась на колено, нащупала у пояса небольшую дымовую шашку из секретного арсенала Лиоры, запечатанную красным сургучом, и сжала её в ладони.

Над ущельем завыл ветер, будто приветствуя её в своих владениях. Она улыбнулась уголком рта. Странное дело: с каждым шагом на север ей становилось всё спокойнее. Здесь правила были честнее. Здесь враг смотрел в лицо.

Пока что, — подумала она и сорвала сургуч.

ГЛАВА 6

Элиан

Горный перевал Золотого Ущелья, Келерис

Небо над перевалом было цвета старого олова.

Элиан шёл вдоль обрыва по тропе шириной в две ладони, и ветер рвал полы плаща, пытаясь сбросить его в бездну. Внизу, в синем тумане, шумела невидимая река. Над головой цеплялись за зубчатые пики тяжёлые тучи, похожие на рваные лоскуты серого сукна. Каждый шаг отдавался в суставах тупой болью: Маска, как всегда, напоминала о своей цене.

Он шагал размеренно, экономя дыхание, и думал о том, что мог бы пролететь этот путь за четверть часа.

Мысль была опасной. Он отогнал её, но она вернулась, как возвращается назойливая муха. Дракон под рёбрами, почуяв высоту и ветер, дёрнулся, будто пёс на поводке. Элиан почти физически ощущал, как раскрываются за спиной крылья, которых не было, как горный воздух ложится под них упругой волной, как внизу, сквозь облака, проносятся ущелья. Крылья помнили. Тело помнило. Только человеческий разум, который он столько лет вымуштровывал, твердил: нельзя.

Нельзя, — повторил он себе. — *Там люди. Там глаза. Там те, кто охотится на таких, как ты.*

Позади по тропе послышалось ровное шуршание сапог. Кайен нагнал его, поправляя капюшон.

Он вспомнил, как мальчишкой впервые вылетел из цитадели: мать стояла на башне и считала падения, отец смотрел молча и только в конце сказал: «Ты упал. Это ничего. Важно, что ты поднялся». Тогда небо казалось бескрайним и добрым. Теперь оно было лишь пространством, которое нельзя занимать.

— Ты опять смотришь на пропасть, как на старую подругу, — заметил Ворон. — Ещё немного, и я решу, что ты собрался прыгнуть.

— Я просто думаю.

— Это ещё хуже.

Элиан криво усмехнулся и не ответил. Они шли молча. Тропа вилась вдоль скалы, то расширяясь, то сужаясь до такой степени, что приходилось прижиматься спиной к камню. Ветер выл в расщелинах, как стая голодных волков.

— Наш человек на нижнем посту подтвердил, — нарушил молчание Кайен, понизив голос, хотя вокруг никого не было. — Валорская разведчица обошла сторожевой заслон. Использовала алхимическую дымовую завесу. Двое наших потеряли её следы почти на полчаса.

— Одна?

— Остальных оставила в стороне. Сама ушла к руинам. — Кайен мрачно покачал головой. — Либо безумная, либо очень, очень хорошая.

— Или и то, и другое.

— Обычно так и бывает.

Элиан остановился у выступа, обдуваемого ветром, и всмотрелся вдаль. На сером склоне виднелись крошечные тёмные пятнышки: следы чужого отряда. Он чувствовал их так же отчётливо, как чувствовал запах далёкого дыма. Не только глазами. Драконье чутьё различало запах железа, кожи, пота, мокрой шерсти и ещё чего-то неуловимого: упрямства. Так пахнет человек, который решил идти до конца и не собирается сворачивать.

— Знаешь, что меня беспокоит? — тихо сказал он.

— Что?

— Мы всегда знали, что они придут. Что рано или поздно кто-то сунется за перевал. Мы готовились к войне, к нападению, к осаде. А вместо этого к нам идёт одна женщина с картой и дымовой шашкой. Это не армия. Это разведка. Люди, которые не стреляют сначала, а задают вопросы.

— Вопросы бывают опаснее стрел.

— Именно.

Кайен прищурился.

— Ты хочешь сказать, что нам стоит поговорить?

— Я хочу сказать, что нам стоит понаблюдать. — Элиан двинулся дальше. — Выяснить, зачем она здесь. И что она знает.

— А потом?

— А потом решим.

— Это означает «убьём».

— Это означает «решим».

— Это означает «убьём», но с красивой отговоркой, — буркнул Кайен, поднимая воротник. — Я тебя знаю.

Элиан не ответил. Он сам не был уверен.

Склон начинал круто забирать вверх. Тропа превратилась в осыпь, на которой ноги скользили по мелкому щебню. Ветер усилился, швыряя в лицо колючую ледяную крошку. Элиан низко пригнул голову, закрывая глаза рукой.

Первым он услышал камень.

Не шум, а лёгкий, едва заметный скрежет где-то в вышине. Сердце, чужое, смертное, пропустило удар. Он поднял голову.

Над ними, метрах в двадцати, от отвесной стены отделилась глыба размером с телегу. Медленно, почти лениво, она накренилась и заскользила вниз, цепляя по пути мелкие камни, увлекая за собой целый поток щебня и снега.

— Кайен! — рявкнул он.

Ворон успел дёрнуться, но осыпь уже хлынула вниз. Элиан не думал. Не мог думать. Он просто шагнул вперёд, вскинул руки, и мир на мгновение стал горячим, золотым, оглушительно громким.

Что-то хрустнуло в его плечах. Мышцы налились силой, которой у человека быть не могло, и когда глыба обрушилась на подставленные ладони, он принял её, как принимают падающего ребёнка. Не удержал, нет. Не позволил раздавить. Отбросил в сторону одним усилием, и тяжёлая каменная громадина с грохотом ухнула в пропасть, подняв ледяную пыль.

Тишина вернулась так же внезапно, как рухнул камень.

Элиан стоял, тяжело дыша, и смотрел на свои руки. На коже проступили тёмные узоры чешуи, горячие, пульсирующие. Он поспешно спрятал ладони в рукава, чувствуя, как жгучая боль перехода медленно стихает, но не уходит.

Кайен поднялся на четвереньки, отплёвываясь снегом.

— Командир, — выдавил он, — ты… ты в порядке?

— Да.

— Это было…

— Знаю.

— Нет, ты не понимаешь. — Ворон выпрямился, отряхивая плащ. На лице его не осталось ни тени привычной насмешки. — Ты не просто поймал камень. Ты остановил его. Руками. Ты не должен был этого делать, Элиан. Не так. Не здесь.

— Я должен был тебя спасти.

— Я бы выжил.

— Ты бы лежал под тремя тоннами камня.

— Я бы как-нибудь вывернулся.

— Заткнись, Кайен.

Ворон замолчал, но по глазам было видно, что он не согласен. И не спорит только потому, что слишком хорошо знает цену этой вспышки. Они оба знали: слишком много случайностей за последнее время. Слишком много срывов.

Элиан прислонился к холодной скале и закрыл глаза. Дракон внутри не успокаивался. Он ликовал, как зверь, которого наконец выпустили на волю, пусть на секунду. И чем сильнее Элиан сдерживал его, тем настойчивее тот рвался наружу.

— Тебе нужно вернуться, — тихо сказал Кайен. — Выпить зелье Орена. Отдохнуть.

— Нет.

— Командир…

— Нет. — Элиан открыл глаза. Они на мгновение вспыхнули янтарём. — Если я сейчас вернусь, она уйдёт дальше. Если уйдёт дальше, то найдёт то, что мы не готовы показывать. Я должен её увидеть.

— Зачем?

— Затем, что мне нужно знать, кто идёт по моей земле.

Это была не вся правда. Кайен смотрел на него так, будто видел насквозь. Но не стал давить, только вздохнул, подобрал с земли упавший нож.

— Знаешь, в чём твоя проблема? — сказал он, вешая клинок на пояс.

— Просвети.

— Ты слишком долго живёшь один. Так долго, что стал считать это добродетелью. — Он пожал плечами. — Я не говорю, что надо с кем-то обниматься. Просто… иногда стоит подпустить кого-нибудь ближе, чем на длину клинка.

— Ты говоришь как Орен.

— Орен умный.

— Орен ворчун.

— Орен умный ворчун. — Кайен усмехнулся, но в глазах стояла серьёзность. — Я просто хочу сказать: не все смертные одинаковы. Не все предают.

Элиан отвернулся. В груди что-то тихо сжалось, старая рана, которую он считал зажившей.

Он знал, что Кайен прав. И именно поэтому не мог этого слышать.

— Идём, — сказал он коротко.

Они двинулись дальше. Тропа ушла за гребень, и перед ними открылась долина, укутанная туманом, в глубине которой смутно виднелись развалины. Ветер принёс запах дыма, запах сырой шерсти и, едва уловимо, женских волос, пропитанных дорогой и сталью.

Элиан остановился.

Что-то в этом запахе заставило сердце пропустить удар. Не страх. Не ярость. Что-то иное, чему он не знал названия и чего очень не хотел бы узнать.

Нет, — подумал он твёрдо. — Я не позволю. Не снова.

Он поднял капюшон, шагнул вперёд и, не оборачиваясь, бросил:

— Держись позади, Ворон. И что бы ты ни увидел, молчи.

— Как скажешь, командир.

Туман сомкнулся за их спинами.

Над перевалом, высоко в сером небе, на мгновение блеснул золотой отсвет. Короткий, как вспышка молнии. Никто не заметил его: ни люди, ни звери.

Кроме той, что шла по следу на другом конце ущелья.

ГЛАВА 7

Аэлиса

Сосновый Яр, предгорья Келериса

Дымовая шашка сработала с безупречной точностью.

Густая белая завеса вспухла над тропой и смешалась с туманом. Северные дозорные у каменного убежища закашлялись, заматерились, нащупывая рукояти мечей, потеряв в этой молочной слепоте и направление, и друг друга. Аэлиса уже была выше. Короткий, выверенный рывок по верхнему карнизу, три шага вдоль скалы, перекат за гранитный выступ. Она оставила их внизу, кашлять и ругаться, а сама ушла вглубь ущелья, не оглянувшись.

Через час к ней присоединился отряд. Брент вывел остальных другим путём, и в условленном месте, у поваленной сосны, они встретились без единого слова. Только Тэрн, увидев командира живой, шумно выдохнул, и это было лучшим рапортом.

— Дозорные? — коротко спросил Брент.

— Остались в дыму.

— Видели вас?

— Нет. — Аэлиса помедлила. — Но, думаю, знают, что мы здесь. Они не дураки.

— А мы разве дураки? — буркнул сержант. — Просто упрямые.

Это было почти шуткой, и они двинулись дальше, и ущелье сомкнулось за ними.

К вечеру тропа вывела их к месту, где должна была стоять деревня.

Сосновый Яр. Двадцать дворов, пара кузниц, молельня у ручья. Аэлиса помнила его по карте Лиоры: отметка маленьким крестиком, «деревня горцев, нейтральная». Нейтральная. Слово прозвучало в голове, как насмешка.

Они остановились на гребне. Никто не сказал ни слова.

Внизу, в узкой долине, дымились остатки домов. Не руины: остатки. Там, где недавно стояли срубы, поднимались чёрные скелеты балок, и над ними вился сизый дымок, почти такой же, как тот, что она видела над мертвецом на границе. Он стелился по земле и не желал подниматься, как будто сам пепел не хотел покидать это место.

— Свежее, — сказал Брент хрипло. — Два дня, не больше.

— Вижу.

— Командир… — Тэрн запнулся. — Там что-то…

— Знаю. — Она спешилась. — Остаёмся парами. Ничего не трогаем без моего слова. Брент, ты со мной. Лайн и Дэрри, осмотрите восточную сторону. Ровен и Ксара, западную. Тэрн, оставайся с лошадьми.

— Но командир…

— Это приказ.

Парень сглотнул и кивнул.

Они спустились вниз, и запах ударил сразу. Палёное дерево, горелая шерсть, что-то сладковатое и тяжёлое, чему не хотелось давать названия. Под ногами хрустела чёрная стеклянная крошка: земля в центре деревни спеклась в блестящую корку, как после удара молнии, только в десять раз сильнее.

Аэлиса опустилась на колено. Провела перчаткой по стеклу. Оно было гладким, холодным, с радужными разводами, и по краю, у стены сгоревшего дома, тянулась чёткая дугообразная борозда. Она замерла.

— Брент, — тихо позвала она. — Посмотри.

Сержант подошёл, присел рядом, и лицо его вытянулось.

В камне, за слоем стекла, виднелся след. Огромный, глубокий, трёхпалый. Шириной с её раскрытую ладонь каждый коготь, длиной с локоть. Три борозды, расходившиеся веером, и

позади них, чуть в стороне, отпечаток чего-то, похожего на могучую пяту. След шёл от выгоревшей молельни к ручью, и каждый шаг был глубже предыдущего.

— Это не волк, — сказал Брент. — И не медведь.

— Нет.

— Командир, я сорок лет служу, и никогда…

— Я знаю.

Аэлиса достала из сумки блокнот и торопливо зарисовала след, отметила размеры, глубину борозд, направление. Привычка разведчика: записывать всё, пока память свежа, а эмоции не успели исказить факты. Рука дрожала, но линии выходили ровными. Этому её тоже научил отец.

Они молча осматривали деревню. Нашли колодец, расплавленный до дна. Кузницу, превращённую в бесформенную чёрную глыбу, в которой оплавленные клещи и молоты слились с камнем. Ряд тёмных пятен у стены молельни. Не тела: тени. Те, кого пламя не успело сжечь дотла, но выжгло силуэтами на камне. Люди, стоявшие рядом, прижавшиеся друг к другу, женщины с детьми.

Аэлиса отвернулась. Горло перехватило.

Не думай, — приказала она себе. — Смотри. Ищи. Потом будешь чувствовать.

Но память не слушалась. Она против воли вернулась в тот день, когда ей было пятнадцать.

Двор отцовского дома, залитый летним светом. Тренировочный меч в руке, непривычно тяжёлый. Против неё Рэйн Моран, высокий, широкоплечий, с вечной тенью улыбки в углу рта. Он не щадил её. Никогда не щадил. «Враг не пощадит», — говорил он, и она сжимала зубы и снова поднимала клинок.

В тот день она ошиблась. Всего на миг отвела взгляд, и отцовская сталь, плашмя, но достаточно сильно, рассекла ей запястье. Кровь брызнула на песок. Аэлиса уронила меч и ждала упрёка.

Но отец опустился перед ней на колено. Перевязал рану своим платком. Взял её руку в обе ладони и сказал совсем тихо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.